

Клинические, гендерные и возрастные аспекты интернет-зависимости

Лейла Казбековна Шайдукова*, Элина Ленаровна Рашитова

Казанский государственный медицинский университет,
г. Казань, Россия

Реферат

Цель. Исследовать клинические, гендерные и возрастные аспекты интернет-зависимости.

Методы. Под наблюдением находились 400 человек, связанных с компьютерной техникой. Первая группу составили 100 подростков в возрасте $14,1 \pm 0,6$ года. Во вторую группу вошли 100 человек в возрасте $30,6 \pm 4,2$ года. Третья группа была сформирована из 100 студенток в возрасте $22,3 \pm 3,6$ года. В четвертую группу вошли 100 студентов в возрасте $22,1 \pm 3,1$ года. Различия испытуемых касались возрастных (подростки), а также гендерных (мужчины-женщины) особенностей. Были применены клиничко-психопатологический и экспериментально-психологический методы: интервьюирование, использование модифицированного опросника К. Янг с условным делением на три категории вопросов. В работе были использованы данные предыдущего исследования с расширением выборки и поставленных задач.

Результаты. Изучение клинических особенностей интернет-зависимости выявило наличие «интернет-обусловленных паранойяльных реакций», которые наиболее часто встречались во второй группе профессиональных компьютерщиков ($52,2 \pm 9,8$), наиболее редко — в первой группе подростков ($8,3 \pm 1,7$), одинаково часто в третьей и четвертой группах — у респондентов мужского и женского пола ($24,4 \pm 4,3$ и $32,1 \pm 6,4$). Изучение гендерных отличий интернет-зависимости в третьей и четвертой группах выявило, что $48,7 \pm 3,6\%$ всех респондентов предпочитали виртуальное общение реальному, у $46,3 \pm 3,1\%$ были признаки интернет-зависимости от пребывания в киберпространстве, у $30,8 \pm 2,4\%$ присутствовали отклонения в психоэмоциональной сфере. Мужчины чаще испытывали выраженное ухудшение трудоспособности и снижение энергетического потенциала ($45,6 \pm 3,8$). Общение в социальных сетях оказалось более актуально для женщин ($60,3 \pm 8,7$). Исследование возрастного аспекта интернет-зависимости в группе подростков выявило наличие навязчивых компьютерных игр ($16,3 \pm 2,4$), коммуникативной виртуальной зависимости ($48,2 \pm 3,9$), навязчивого веб-серфинга ($10,4 \pm 1,7$), смешанных форм ($26,7 \pm 2,9$) и корреляцию с уровнем интеллекта респондентов.

Вывод. Ретроспективный анализ динамики развития интернет-зависимости показал сменяемость различных форм данной аддикции, наличие возрастной стадийности.

Ключевые слова: интернет-зависимость, интернет-обусловленные паранойяльные реакции, гендерные и возрастные аспекты.

Для цитирования: Шайдукова Л.К., Рашитова Э.Л. Клинические, гендерные и возрастные аспекты интернет-зависимости. *Казанский мед. ж.* 2020; 101 (2): 193–199. DOI: 10.17816/KMJ2020-193.

Clinical, gender and age aspects of the internet addiction

L.K. Shaidukova, E.L. Rashitova
Kazan State Medical University, Kazan, Russia

Abstract

Aim. To study clinical, gender, and age-related aspects of Internet addiction.

Methods. The study includes 400 people related to computer technology, which was divided into 4 study groups by age and gender: 100 adolescents aged 14.1 ± 0.6 years was in the first group, 100 professional computer engineers aged 30.6 ± 4.2 years in the second group, 100 male students at the age of 22.3 ± 3.6 years in the third group and 100 women students aged 22.1 ± 3.1 years. Clinical-psychopathological and experimental psychological methods were used: interviewing, using a modified Internet Addiction Test (IAT) divided into three categories of questions

by conditions. In the work, we used the data of a previous study with increasing of the sample and numbers of objectives.

Results. A study of the clinical features of Internet addiction revealed the presence of “Internet-related paranoid reactions”, which was most in the second group (52.2 ± 9.8), most rare in the first group (8.3 ± 1.7), and equally in the third and the fourth groups (24.4 ± 4.3 and 32.1 ± 6.4). For the study of gender differences in Internet addiction, were included in the third and fourth groups. $48.7 \pm 3.6\%$ of all included respondents preferred virtual communication to real, $46.3 \pm 3.1\%$ had signs of Internet dependence on being in cyberspace, $30.8 \pm 2.4\%$ there were deviations in the psycho-emotional sphere. Male was more likely to experience severe impairment of working capacity and a decrease in energy potential (45.6 ± 3.8). Communication in social networks turned out to be more relevant for women (60.3 ± 8.7). The study of the age-related aspect of Internet addiction was performed in the first group. It was revealed the presence of computer games addiction in $16.3 \pm 2.4\%$ adolescents, addiction to the virtual communication in $48.2 \pm 3.9\%$ adolescents, web surfing addiction in $10.4 \pm 1.7\%$ adolescents, mixed forms of Internet addiction in $26.7 \pm 2.9\%$ respondents and also correlation of Internet addiction with the level of intelligence of the adolescents.

Conclusion. A retrospective analysis of Internet addiction developmental dynamics showed alternation various forms of this addiction and the presence of age stages.

Keywords: Internet addiction, Internet-associated paranoid reactions, gender and age aspects.

For citation: Shaidukova L.K., Rashitova E.L. Clinical, gender and age aspects of the internet addiction. *Kazan medical journal*. 2020; 101 (2): 193–199. DOI: 10.17816/KMJ2020-193.

Интернет-зависимость — тема, довольно популярная в современной научной литературе [1–4]. Показательно высказывание Дж. Сулера: «Киберпространство — один из способов изменения состояния сознания. Как и в изменённом состоянии сознания вообще, киберпространство и всё, что в нём происходит, кажется реальным — часто даже более реальным, чем действительность»...

Интернет-зависимость («веб-аддикция» или «вебоголизм»), по мнению авторов этого термина Кимберли Янг и Ивана Голдберга, — широкое понятие, включающее самые разнообразные пристрастия. Компьютерная зависимость — навязчивая игра в компьютерные игры («гейм-аддикция», «гейминг»). Коммуникативно-виртуальная зависимость — непреодолимое стремление расширить сеть виртуальных знакомств в сети. Навязчивый веб-серфинг — желание бесконечных путешествий по сайтам, базам данных, навязчивый поиск информации, сопряжённый с интеллектуальными перегрузками. Киберсексуальная зависимость — непреодолимое влечение к посещению порносайтов и занятию виртуальным сексом. Навязчивая зависимость от сети — игры в онлайн-азартные игры, «интернет-лудомания», игромания, интернет-гемблинг [5]. Выделяют редкие виды интернет-зависимости, например зависимость от криминальных действий с помощью компьютера (хаккинг и другие виды криминального программирования).

К. Янг выделяет следующие стадии развития зависимости: стадию заинтересованности (engagement), стадию замещения значимых сторон жизни (substitution), стадию «бегства»

(escape) из реальной жизни в виртуальную зависимость от интернета. Кроме структуры данной аддикции, авторы описывают её динамику: выбор привлекательного варианта виртуальной реальности, перенос цели в виртуальную реальность, ограничение выбора и переход зависимости в хроническую форму. Характеристики технологических зависимостей (подкласс поведенческих по М. Гриффитсу) следующие: «сверхценность», или приоритетность (salience), изменение настроения (mood modification), увеличение толерантности (tolerance), симптомы отмены (withdrawal), конфликт с окружающими и с собой (conflict), рецидив (relapse).

В Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) интернет-зависимости уделено скромное место в рубрике «Другие расстройства привычек и влечений» в разделе F63 «Расстройства привычек и влечений», включающем следующие пункты: F63.0 — патологическое влечение к азартным играм; F63.1 — патологическое влечение к поджогам; F63.2 — патологическое влечение к воровству; F63.3 — трихотилломания; F63.8 — другие расстройства привычек и влечений. Вместе с тем, этот вид зависимости занимает одно из ведущих место по частоте и распространённости в популяции, с одной стороны, и в научно-исследовательском секторе раздела «Аддиктология» — с другой стороны [6–10].

Вероятно, это стало причиной более внимательного отношения психиатров к данной проблеме на 72-й Всемирной ассамблее здравоохранения в Женеве, где была официально принята новая версия Международной классификации болезней МКБ-11. И, хотя это

коснулось только «игрового расстройства», прецедент признания частного варианта интернет-зависимости с установлением индивидуального шифра (6C51) уже существует.

Несмотря на немалое количество исследований, гендерные [11, 12], возрастные [4, 13] и клинические [14] аспекты интернет-зависимости изучены недостаточно.

Цель работы — исследовать клинические, гендерные и возрастные аспекты интернет-зависимости.

Под наблюдением находились 400 человек, связанных с компьютерной техникой. Первую группу составили 100 подростков детского отделения Республиканской клинической психиатрической больницы г. Казани (РКПБ) в возрасте $14,1 \pm 0,6$ года (смешанная группа). Во вторую группу вошли 100 человек в возрасте $30,6 \pm 4,2$ года, работающих в Иннополисе г. Казани (смешанная группа). Третья группа была сформирована из 100 студенток 5-го курса Казанского государственного медицинского университета (КГМУ) в возрасте $22,3 \pm 3,6$ года (женская группа). В четвертую группу вошли 100 студентов 5-го курса КГМУ в возрасте $22,1 \pm 3,1$ года.

С целью изучения паранойяльных «интернет-обусловленных реакций» (ИОПР) во всех группах, а также выявления особенностей интернет-зависимости в гендерных и возрастных группах были применены клиничко-психопатологический и экспериментально-психологический методы:

1) интервьюирование;

2) использование модифицированного опросника К. Янг с условным делением на три категории вопросов: первая категория — вопросы, определяющие уровень социальной дезадаптации человека, вторая категория — вопросы-маркёры формирования интернет-зависимости, третья категория — вопросы с элементами клинических проявлений интернет-зависимости.

В работе были использованы данные предыдущего исследования [15] с расширением выборки и поставленных задач.

Критерии исключения: респонденты несоответствующего возраста, участие в других исследованиях, в течение 1 мес предшествующих настоящему и/или проводимых параллельно.

Статистическая обработка данных выполнена с использованием программ MS Office Excel и MS Office Access для Windows 7 в системе SAS (США, версия 8.2). Анализ полученных данных проведён с вычислением количественных данных (относительных и абсолютных)

Таблица 1. Анализ однократных «интернет-обусловленных паранойяльных реакций» (ИОПР) у обследованных респондентов

Параметры	Однократные ИОПР, n=116	Без ИОПР, n=284
Первая группа, % (n=100)	8,3±1,7***	91,7±11,8
Вторая группа, % (n=100)	52,2±9,8*	47,5±7,4
Третья группа, % (n=100)	24,4±4,3**	75,4±10,3
Четвёртая группа, % (n=100)	32,1±6,4**	67,8±10,2
Всего, % (n=400)	29,6±5,2**	71,3±10,6

Примечание: *p=0,025; **p=0,035; ***p=0,01.

и применением методов вариационной статистики с вычислением средней арифметической (M) и средней ошибки данной величины (m). Достоверность учитывали при уровне значимости (p-ошибке) 0,05.

Индивидуальное интервьюирование после ответов на составленный «клинический опросник паранойяльного реагирования» выявило различные формы однократного возникновения так называемых ИОПР в 29,6±5,2% случаев из всех респондентов, p=0,008 (табл. 1).

Они проявлялись в остро возникшем «подозрении» о внедрении в личное компьютерное пространство с целью завладения информацией или контроля над ней. Для обнаруженных ИОПР был характерен ряд особенностей.

1. Острота и аффективная насыщенность — внезапное обнаружение, открытие, провоцируемое, как правило, соответствующей «объяснительной» информацией из внешних источников. Иногда появление подобных реакций было «ятрогенным», наведённым работниками по обслуживанию компьютерной техники (защита от вирусов), либо автоматическими службами защиты в сети.

2. Бытовое содержание острого паранойяльного новообразования — тематика хакерства, спама, троянов, вирусов, «червей» и т.д. В клиническом отображении данные проявления схожи с остро возникшими сверхценными идеями материального ущерба, с одной стороны, либо персекуторными идеями — с другой.

3. Фрагментарность — отрывочное возникновение на фоне благоприятного психического и социального статуса, однако данное положение касалось лишь однократных паранойяльных реакций. Повторные или персистирующие проявления были связаны с личностными и характерологическими особенностями.

4. Рудиментарность острого паранойяльного новообразования — бедность клинических проявлений. Ни в одном случае ИОПР не переходили в развёрнутое бредовое расстройство, не имели процессуальной и ситуационной прогредиентности.

5. Транзиторность — быстрое затухание симптоматики, несмотря на её яркость и насыщенность. Вместе с тем, у $9,75 \pm 1,6\%$ человек ИОПР возникали вновь, однако с меньшей интенсивностью ($p < 0,01$ по отношению ко всем респондентам с ИОПР), из них у $66,7 \pm 7,4\%$ ($p = 0,024$) обследованных было стойкое убеждение о постоянном внедрении и слежке в интернет-пространстве или «воровстве» личных данных.

6. Недостаточная или избыточная «интернет-информированность» — при однократном возникновении ИОПР присутствовала корреляция с дефицитом интернет-грамотности обследованных (недавнее освоение интернета, поверхностное знакомство с интернет-технологиями), но повторное появление было связано со специфическими чертами характера людей, профессионально работающих с компьютером.

7. Спаянность с характерологической структурой личности при рецидивировании паранойяльных реакций — у людей с повторными ИОПР (после затухания) отмечались специфические черты характера: у $53,8 \pm 4,6\%$ человек ($p = 0,023$) — сочетание импульсивности, аффективно насыщенного реагирования с упорством, требовательностью, педантизмом, ригидностью, склонностью к анализу, застреванию по типу «короткого замыкания» и другими тормозимыми характерологическими особенностями; у $46,2 \pm 3,1\%$ человек ($p = 0,035$) — сочетание импульсивности с повышенной аффектацией с внушаемостью, впечатлительностью, незрелой эмоциональностью, примитивными суждениями и умозаключениями.

8. Монотематичность паранойяльных образований — изолированность и тематическая избирательность, ограничивающаяся интернетом, что отмечалось при однократных реакциях, но при повторном возникновении ИОПР наблюдалось сочетание с отдельными паранойяльными реакциями иного содержания (идеи материального ущерба, воровства на платёжных картах, сотовой телефонной сети и т.д.).

9. Поиск возможных (вероятных) «интернет-лазутчиков» в кругу знакомых, то есть людей, которые окружали испытуемых в интернет-контакте, что отмечалось при однократной ИОПР. При персистировании возникала сверхценная убеждённость наличия «интернет-наблюдателей» в абстрактной сети.

10. Трудность отграничения от сверхценных образований — эти реакции отличались от сверхценных своей остротой и аффективной заряженностью, но сближались с ними бытовым содержанием, основанным на наличии действительно возможных явлений: «хакеров», «спамов», «тройных коней», «червяков», «вирусов» и др.

Исследование интернет-зависимости у мужчин и женщин представлено в табл. 2.

Изучение гендерных отличий интернет-зависимости в третьей и четвёртой группах выявило, что $48,7 \pm 3,6\%$ всех респондентов предпочитали виртуальное общение реальному ($p = 0,28$), у $46,3 \pm 3,1\%$ были признаки интернет-зависимости от пребывания в киберпространстве ($p = 0,34$), у $30,8 \pm 2,4\%$ выявлялись отклонения в психоэмоциональной сфере ($p = 0,009$).

Интересной тенденцией было увеличение времени, проводимого в сети, причём респонденты мужского пола чаще испытывали выраженное ухудшение трудоспособности и снижение энергетического потенциала. Общение в социальных сетях оказалось более актуальным для женщин. Нарушения в эмоциональной сфере в виде эйфорических были одинаково выражены у обоих полов. Также были выявлены гендерные различия по показателям «пренебрежение личной гигиеной», «проблемы с работой/учёбой», «нерегулярное и несбалансированное по качеству и количеству питание», «нарушения ритма и качества сна», «пренебрежение друзьями/подругами», «ложь членам семьи». Показатели «головные боли», «боли в спине», «сухость в глазах», «синдром карпального канала» были одинаково редкими в обеих группах (опрос респондентов до 30 лет).

Объясняя результаты проведённого исследования, можно сделать предположение о более высокой эмоциональной вовлечённости женщин по сравнению с мужчинами, особенно когда речь идёт об эмоциональных нарушениях с негативным оттенком (субдепрессивные расстройства). Это сопоставимо с общемировой статистикой о более высоких показателях аффективных расстройств у женского контингента по сравнению с мужским, что связано с биохимическими, индивидуально-психологическими и нейрофизиологическими (межполушарная асимметрия) особенностями. Вместе с тем, социально-психологические и психофизические показатели интернет-зависимости тяжелее у мужчин: они глубже уходят в кибер-пространство с нарушением витальных функций — сна и питания, чаще скрывают факт своей зависимости, снижают на-

Таблица 2. Анализ интернет-зависимости у мужчин и женщин (третья и четвёртая группы респондентов)

Показатели	Женский пол, n=100	Мужской пол, n=100	Всего, n=200
Увеличение времени, проводимого в интернет-сети, %	18,2±2,4**	43,5±4,6*	30,4±3,8
Ухудшение трудоспособности и снижение энергетического потенциала, %	26,7±3,2*	45,6±3,8*	35,6±4,1
Склонность к виртуальному общению, %	60,3±8,7*	28,4±3,5**	44,3±5,2
Гипотимные проявления, %	20,4±2,9*	10,6±1,3**	16,7±2,2
Пренебрежение личной гигиеной, %	10,4±1,2***	42,7±3,3*	27,8±2,8
Проблемы с работой/учёбой, %	12,3±1,4***	38,5±3,7*	25,2±2,9
Нерегулярное питание, %	20,2±2,6**	36,3±3,4*	27,6±3,1
Нарушения сна, %	26,1±3,1**	35,8±3,2*	31,4±2,8
Пренебрежение живым общением, %	39,2±4,2*	28,4±2,7*	33,6±3,7
Ложь членам семьи, %	8,4±0,7***	36,3±3,8*	23,1±2,7

Примечание: *p >0,05; **p <0,05; ***p <0,01.

выки самообслуживания, имеют социальные проблемы.

Увлечение простыми компьютерными играми («стрелялки» с использованием 3D-шутеров) среди респондентов отмечено в возрасте 8,7±1,2 года. Переход на новый уровень зависел только от меткости «стрелка» и не требовал интеллектуальных ресурсов. Так, среди обследованных подростков первой группы у 84% в начальных классах выявлялся данный вид зависимости, однако только 26% из них сохранили её до 14-летнего возраста, причём в усложнённом варианте корреляции не обнаружено.

«Мобильная телефонная зависимость» появлялась, согласно ретроспективному обзору, с 10–12 лет, когда возникал комплекс психологических признаков зависимости от мобильного телефона, особенно при его отсутствии. Ответы респондентов показали, что отсутствие телефонной связи воспринималось ими как острое состояние одиночества в детстве, когда родители оставляли их одних дома, в детских лагерях и т.д. Это наиболее персистирующая форма зависимости, которая отмечена у всех респондентов и была практически коморбидной остальным формам интернет-зависимости (в научной литературе она упоминается как «номофобия»).

«Проверка электронной почты» — редкая форма зависимости в наших исследованиях, возникала в 14,3±0,8% случаев в старших классах при создании личного e-mail, p=0,006 по отношению ко всем респондентам.

Усложнённые компьютерные игры — «стратегии», «квесты», «головоломки», «симуляторы», «пазлы» — также коррелировали со старшим школьным возрастом (13,2±0,7 года)

и более высоким интеллектом. Данное увлечение было наиболее дезадаптирующим, проходило по типу «биджингов» (многочасовых «интернет-запоев») и выявлялось у 16,3±1,3% (p=0,008) общего количества респондентов.

Индивидуальные формы общения в on-line — вариант индивидуального взаимодействия в системе Messenger, Whatsapp и других практически всегда (94,8%) предшествовал групповым, являясь «пробным», закрепляя навыки печатания текста и орфографии.

Приобщение к интернет-сообществам — постоянное и навязчивое возвращение к обсуждениям, дискуссиям, совместному просмотру «вирусного видео», выражению своих эмоций по материалам прочитанного, увиденного или услышанного. Данный вид зависимости был отмечен чаще всего — в 48,3±6,2% (p=0,034) случаев. Он косвенно свидетельствовал о депривации, характерной для половины респондентов подросткового возраста.

«Путешествия» по веб-сайтам или «навязчивый веб-серфинг» был выявлен в 10,5±1,3% (p=0,007) случаев у респондентов с более высокими показателями интеллекта, с одной стороны, и характерологическими особенностями — с другой. Все респонденты отличались низкими коммуникативными навыками, стремлением к одиночеству, индивидуализмом, эмоциональной отгороженностью.

В 26,7±2,4% (p=0,42) случаев выявлена смешанная интернет-зависимость с откатом сложных форм к более простым, примитивным. И, как было уже отмечено выше, все подростки имели «мобильную зависимость» с комплексом «отмены» разной степени выраженности при отнятии телефона.

Таблица 3. Структура интернет-зависимости у подростков

Показатели	Группа подростков, n=100	Всего, n=400
Компьютерная зависимость, %	16,3±2,4	p=0,008
Коммуникативная зависимость, %	48,2±3,9	p=0,035
Навязчивый веб-серфинг, %	10,4±1,7	p=0,009
Смешанные формы интернет-зависимости, %	26,7±2,9	p=0,026

Возрастные аспекты интернет-зависимости были изучены в первой группе респондентов — у подростков с уже установленным диагнозом, находящихся на обследовании в РКПБ с различными нарушениями (табл. 3).

Так, была выявлена навязчивая зависимость от компьютерных игр разной степени интенсивности и сложности, от стремления on-line общения, также навязчивый веб-серфинг и смешанные формы интернет-зависимости. Ретроспективный анализ динамики формирования интернет-зависимости обнаружил факт раннего знакомства с интернетом у 64,2±7,3% респондентов (p=0,042), однако содержание аддикции менялось. Была выявлена «возрастная стадийность» смены форм интернет-зависимости. Объяснение смены форм, возрастной стадийности лежит в плоскости общего формирования психики в детско-юношеском возрасте, созревания корковых структур, когнитивных потребностей, динамики типов мышления — от наглядно-действенного, конкретно-образного к абстрактно-эвристическому, динамики эмоционально-волевых проявлений — от потребности в подвижных виртуальных играх в детстве к созданию виртуальных микросообществ в подростковом возрасте.

ВЫВОДЫ

1. Изучение клинических особенностей интернет-зависимости выявило наличие «интернет-обусловленных паранойяльных реакций», характеризующихся остротой и аффективной насыщенностью, бытовым содержанием, фрагментарностью, рудиментарностью и транзиторностью, недостаточной «интернет-информированностью», спаянностью с характерологической структурой личности, монотематичностью паранойяльных образований, поиском возможных (вероятных) «интернет-лазутчиков», трудностью отграничения от сверхценных образований.

2. Данные исследования гендерных аспектов интернет-зависимости свидетельствовали о более высокой эмоциональной вовлечённости женщин по сравнению с мужчинами, но худших социально-психологических и психофизических показателей у мужчин по сравнению с женским контингентом.

3. Изучение возрастного аспекта интернет-зависимости в группе подростков выявило наличие навязчивых компьютерных игр, коммуникативной виртуальной зависимости, навязчивого веб-серфинга, смешанных форм и корреляцию с уровнем интеллекта респондентов.

4. Ретроспективный анализ динамики развития интернет-зависимости показал сменяемость различных форм данной аддикции, наличие возрастной стадийности.

Участие авторов. Л.К.Ш. проводила исследования (клиническая часть), была руководителем работы; Э.Л.Р. проводила исследования (экспериментальная часть), отвечала за сбор и анализ результатов.

Источник финансирования. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов по представленной статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев С.Г., Мильчакова В.А., Рыбалтович Д.Г. Анализ анкетирования интернет-пользователей, имеющих опыт on-line-игры. *Вестн. психотерап.* 2012; (41): 68–81. [Grigoryev S.G., Milchakova V.A., Rybaltovich D.G. An analysis of survey data from Internet users experienced in online games. *Vestnik psikhoterapii.* 2012; (46): 68–81. (In Russ.)]
2. Ермоленко И.А. Компьютерная зависимость как феномен отклонения в когнитивном развитии личности. *Психология.* 2011; (1): 21–24. [Ermolenko A.V. Computer addiction as a phenomenon of the personal cognitive development disorder. *Psikhologiya.* 2011; (2): 22–26. (In Russ.)]
3. Рыбалтович Д.Г., Зайцев В.В. Интернет-зависимость: реальная патология или норма развития информационного человечества? *Вестн. психотерап.* 2011; (40): 23–34. [Rybaltoovich D.G., Zaytsev V.V. Internet-addiction: the real pathology or a normal informational humanity development? *Vestnik psikhoterapii.* 2011; (40): 24–32. (In Russ.)]
4. Кочина М.Л., Подригало Л.В., Яворский А.В. и др. Компьютерные игры и их возможное влияние на здоровье детей и подростков. *Компьютерные игры.* 2011; (9): 111–117. [Kochina M.L., Podrigalo L.V., Yavorskiy A.V. et al. Computer games and their possible affection on healthy children and teenagers. *Kompyuternyye igrы.* 2011; (9): 111–117. (In Russ.)]
5. Шайдукова Л.К. *Зависимости: выбор и преодоление.* Казань: ООО ИАСО «Персона». 2008; 96 с. [Shayduкова L.K. *Zavisimosti: vybor i preodoleniye.* (Addictions: choice and ability to cope.) Kazan: ООО IASO «Persona». 2008; 96 p. (In Russ.)]

6. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы зависимости от интернета. *Психологич. ж.* 2004; (1): 90–100. [Voyskunskiy A.E. Current problems of the Internet addiction. *Psikhologicheskiy zhurnal.* 2004; (1): 90–100. (In Russ.)]

7. Егоров А.Ю. Нехимические (поведенческие) аддикции. *Аддиктология.* 2005; (1): 65–77. [Egorov A.Y. Nonchemical (behavioral) addictions. *Addiktologiya.* 2005; (1): 65–77. (In Russ.)]

8. Малыгин В.Л., Хомерики Н.С., Смирнова Е.А., Антоненко А.А. Интернет-зависимое поведение. *Ж. неврол. и психиатрии им. С.С. Корсакова.* 2011; 111 (8): 86–92. [Malygin V.L., Khomeriki N.S., Smirnova E.A., Antonenko A.A. Internet addictive behavior. *Zhurnal nevrologii i psikhiiatrii im. S.S. Korsakova.* 2011; 111 (8): 86–92. (In Russ.)]

9. Малыгина М.А. *О причинах компьютерной онлайн-зависимости.* 2-е изд. М.: Авант. 2011; 170 с. [Malygina M.A. *O prichinakh kompyuternoy onlayn-zavisimosti.* (About the reasons of the computer online-addiction.) 2 ed. M.: Avant. 2011; 170 p. (In Russ.)]

10. Менделевич В.Д. *Психология девиантного поведения.* Учебное пособие. СПб.: Речь. 2005; 445 с. [Mendelevich V.D. *Psikhologiya deviantnogo povedeniya.* Uchebnoye posobiye. (Psychology of the deviant behavior.) Saint Petersburg: Rech'. 2005; 445 p. (In Russ.)]

11. Шайдукова Л.К. *Гендерные аспекты аддиктологии. Руководство по аддиктологии.* Под ред. В.Д. Менделевича. СПб.: Речь. 2007; 647–659. [Shaydukova L.K.

Gendernyye aspekty addiktologii. Rukovodstvo po addiktologii. (Gender aspects of the addictology.) Ed. by V.D. Mendelevich. Saint Petersburg: Rech'. 2007; 647–659. (In Russ.)]

12. Шайдукова Л.К. *Гендерная наркология.* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2007; 286 с. [Shaydukova L.K. *Gendernaya narkologiya.* (Gender narcology.) Kazan: Institut istorii imeni. Sh. Mardzhani AN RT. 2007; 286 p. (In Russ.)]

13. Ларионова С.Ю. Интернет-зависимость у подростков. *Психологич. образование в России.* 2013; (2): 241–247. [Larionova S.Y. Internet addiction in teenagers. *Psikhologicheskoye obrazovaniye v Rossii.* 2013; (2): 241–247. (In Russ.)]

14. Юрьева Л.Н., Больбот Т.Ю. *Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика.* Монография. Днепропетровск: Пороги. 2006; 196 с. [Yuryeva L.N., Bolbot T.Yu. *Kompyuternaya zavisimost: formirovaniye. diagnostika. korrektsiya i profilaktika.* Monografiya. (Computer addictions: formation, diagnostics, correction and prevention. Monograph.) Dnepropetrovsk: Porogi. 2006; 196 p. (In Russ.)]

15. Шайдукова Л.К. Соотношение «интернет-обусловленных» параноийальных реакций и интернет-зависимости. *Психич. Здоровье.* 2011; (6): 77–79. [Shaydukova L.K. Parity of caused by Internet paranoiac reactions and Internet-dependence. *Psikhicheskoye zdorovye.* 2011; (6): 77–79. (In Russ.)]